

DOI: 10.25178/nit.2024.2.5

Статья

Категоризация окружающего мира в тувинском, бурятском и якутском эпосе через призму ахроматической пары белый / черный

Ольга И. Просяникова, Ксения В. Скорик

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Российская Федерация

В статье рассматриваются лексические значения слов, служащие для цветообозначения окружающего мира в эпических произведениях родственных этносов — тувинцев, бурят и якутов. Цветообозначение передает восприятие мира человеком и позволяет проследить процесс категоризации окружающего цветового пространства.

Сопоставительный анализ употребления ахроматических цветов в тувинском, бурятском и якутском эпосах позволил выявить типологические и генетические черты мировосприятия, свойственные этим народам ввиду культурных взаимодействий на протяжении веков.

Отмечается сходство в положительном восприятии белого цвета и отрицательном — черного, в актуализации эпитетами коннотативных значений оценочности и усиления качества. Результаты контекстуального анализа показали способность реализовывать переносные значения прилагательных-цветообозначений, свидетельствуют о символическом значении цветов и их ритуальном статусе для этих этносов.

Наличие характерных черт объясняется исторической близостью данных народов, духовной связью, принадлежностью к одной языковой группе. Однако установлены и расхождения, которые фиксируют этнокультурные особенности категоризации цветового мировосприятия.

Ключевые слова: цветообозначение; фольклор; эпос; тувинский язык; бурятский язык; якутский язык; ахроматическая пара

Для цитирования:

Просяникова О. И., Скорик К. В. Категоризация окружающего мира в тувинском, бурятском и якутском эпосе через призму ахроматической пары белый / черный // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 75-89. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.5>

Просяникова Ольга Игоревна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Эл. адрес: olgapros@mail.ru

Скорик Ксения Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург — Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Эл. адрес: myenglishprof@mail.ru

PROSYANNIKOVA, Olga Igorevna, Doctor of Philology, Associate Professor; Head, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. E-mail: olgapros@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9080-3058

SKORIK, Kseniya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10, Peterburgskoe Shosse, 196605 St. Petersburg — Pushkin, Russian Federation. E-mail: myenglishprof@mail.ru

Article

Categorization of the surrounding world in the Tuvan, Buryat and Yakut epics through the prism of the achromatic pair white / black

Olga I. Prosyannikova, Ksenia V. Skorik

Pushkin Leningrad University, Russian Federation

The article examines the lexical meanings of words that help to describe the surrounding world in epic works by related ethnic groups — Tuvans, Buryats, and Yakuts. Color designations convey a person's perception of the world and allow us to trace the process of categorizing the surrounding color space.

A comparative analysis of the use of achromatic colors in the Tuvan, Buryat, and Yakut epics has revealed typological and genetic features of the worldviews of these peoples due to cultural interactions over centuries. There is a similarity in the positive perception of white and negative perception of black, as well as the actualization of connotative values and enhancement of quality through epithets.

The results of the contextual analysis have shown the ability to understand the figurative meanings of adjective-color combinations, indicating the symbolic significance of flowers and their ritual significance for these ethnic groups.

These characteristic features can be explained by the historical proximity, spiritual connection, and belonging to the same language group of these peoples. However, there are also differences that reflect the ethnocultural specifics of the categorization of color perceptions.

Keywords: color designation; folklore; epic; Tuvan language; Buryat language; Yakut language; achromatic pair

For citation:

Prosyannikova O. I. and Skorik K. V. Categorization of the surrounding world in the Tuvan, Buryat and Yakut epics through the prism of the achromatic pair white / black. *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 75-89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.5>

Введение

Цветообозначение и его отражение в языке решают проблему восприятия человеком реального мира. Эпические произведения, относящиеся к жанру фольклора, концентрируют в себе характерные черты древнего фольклорного отображения действительности, жизненные наблюдения и культурные традиции.

Обращение к исследованию бурятского, тувинского и якутского эпосов обусловлено следующими причинами. Эти народы объединяет принадлежность к алтайской языковой семье, внутри которой тувинский и якутский относятся к языкам тюркской группы, а бурятский — к монгольским языкам. Исторические связи этих языков порождают языковые сходства и различия¹. Сопоставительный ана-

¹ Вопрос родства этих языков до сих пор порождает споры, поскольку существуют противоположные точки зрения. Одни соглашаются с мнением о генетическом сходстве языков алтайской группы, другие объясняют наличие общих элементов в лексике и грамматике результатом тесного взаимодействия этносов и сложной интерференции на всех уровнях языка (Рассадин, Трофимова, Болд, 2018: 223; Болдырев, 2007: 9). С одной стороны, взаимодействие этих языков говорит о широком проникновении элементов языка одной группы в язык другой как о примере языкового трансфера (Lomakina, 2021), но исторические и географические

лиз лексических значений цветообозначений хроматического и ахроматического спектров, а также смешанных цветов в различных языках позволяет установить универсальные и этнокультурные стереотипы восприятия окружающего мира (Бакеева, 2012; Сыдыков, 2011; и др.¹).

Лексическая группа цветообозначений, представляющая один из самых древних пластов лексики, состоит из названий цветов и оттенков, которые в целом делают ее отдельной и самостоятельной. Анализ цветообозначений позволяет установить на языковом уровне процесс познания окружающего пространства посредством зрительного восприятия его цветового мира. Известно, что люди, независимо от расового происхождения, этнической принадлежности, пола, культуры и прочих координат, одинаково различают цвета. В частности, создатели теории основных цветообозначений Б. Берлин и П. Кей выделяют 11 основных цветов, составляющих универсальный инвентарь системы цветообозначения, соответствующие им лексемы релевантны для любого языка, независимо от генетической принадлежности (Berlin, Kay, 1969: 2-3). Однако количество названий цветов и оттенков варьируется в различных языках при наличии в них базовых цветов ахроматического спектра — белого и черного, которые являются универсальными для всех культур.

Сопоставительный анализ цветообозначений в настоящей работе позволяет выявить сходства в восприятии и категоризации окружающего мира через цветовое его представление, установить некоторые универсальные явления, определить идиоэтнические признаки цветовосприятия, свойственные отдельному этносу.

В анализируемых языках антонимичная пара «белый — черный» выражена лексемами тув. *ак — кара*, якут. *манан / үрүҥ — хара*, бурят. *сагаан — хара*. Ахроматические цветообозначения являются самыми частотными в фольклорных текстах и таким образом подтверждают свое сакральное значение в прошлом и доминирующую роль в настоящем времени (Божедонова, 2020: 110). Универсальность этой бинарной системы основывается на цветовом противопоставлении.

Белый цвет является положительным определяющим и символизирует свет, чистоту, связан с понятиями добра, счастья, благополучия, правдивости, чистоты и благородства (Баранникова, 1979: 210). Аксиологическая роль белого цвета выполняется в рамках положительных значений, поэтому белый цвет в культурах исследуемых этносов наделяется символизмом и сакральностью. Оценочный компонент в семантической структуре фольклорного слова преобладает и даже нейтрализует номинативный (Сердюк, 2009: 189). В связи с этим необходимо отметить такую особенность фольклорного слова, как диффузность его семантики, которая является результатом фольклорной символики и реликтовых ритуальных представлений (Оссовецкий, 1982: 29; и др.²). При включении в фольклорный текст обычные слова, не теряя своего прямого значения, приобретают, благодаря контексту, дополнительные важные значения. А. Т. Хроленко объясняет необычность фольклорных цветовых определений их предельной широтой функционирования. «Цветовые» же прилагательные выступают в функции оценочных слов и теряют свою цветовую определенность³. И такое явление наблюдается многократно при анализе цветообозначений в эпических сказаниях бурят, тувинцев и якутов.

Выбор материала для исследования обусловлен тем, что фольклорные произведения несут культурный код народа, который является коллективной языковой личностью, а архаические корни эпоса позволяют различить глубинные смыслы и символизм этих произведений. Слово в фольклоре хранит семиотические и символические глубины народной культуры, опосредованное отражение реального мира (Червинский, 1989; Хроленко, 2021).

обстоятельства стали причиной несовпадений слов базового фонда при наличии множества общих слов, обозначающих второстепенные понятия (Щербак, 1966: 23). С другой стороны, народы имеют общее потомственное кочевое происхождение, религиозные верования, территориальное соседство, что создало предпосылки для формирования определенных сходств в культуре и менталитете этих народов.

¹ Баинова О. А. Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: Лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2005; Рыскулова Г. Ш. Семантика и символика цветообозначений кара (черный), ак (белый) в языке эпоса «Манас» в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2004.

² Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2021. С. 30.

³ Там же. С. 41, 52.

Материалом для исследования выбраны тексты бурятского эпоса «Аламжи Мэргэн»¹, тувинского — «Хунан-Кара», «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»², якутского эпоса — «Кыыс Дэбилийэ»³. Выбор этих произведений обусловлен возможностью работать с академическими изданиями, в которых представлены тексты на языке оригинала и подстрочный перевод.

При исследовании использовались методы сплошной выборки для подбора примеров, метод контекстуального анализа для установления особенностей функционирования лексем в контексте, сопоставительный анализ для выявления сходств и различий в употреблении колористической лексики в фольклорном тексте как показателя мировосприятия.

Из истории вопроса

Изучение семантики основных цветообозначений проводилось многими исследователями на материале различных языков, в частности цветообозначения в алтайских языках изучались А. Н. Кононовым, Л. Л. Габышевой, С. Ч. Донгак, А. Е. Божедоновой (Кононов, 1978; Габышева, 1994; Донгак, 2004; Божедонова, 2020), А. А. Баиновой⁴, А. К. Башариной⁵, Д. П. Хинзеевой⁶. Лингвокультурологический аспект цветового кода как универсального компонента этнокультурных языковых картин мира рассматривается Т. Г. Бочиной на материале тувинских загадок (Бочина, 2023), О. В. Ломакиной — в тувинской паремиологии (Ломакина, 2022), И. А. Дамбуевым — в бурятской топонимике (Дамбуев, 2020). Сравнительные исследования лексики цветообозначений тувинского и бурятского языков проводили Г. А. Дырхеева и Ч. С. Цыбенова (Дырхеева, Цыбенова, 2022), семантики ахроматических цветообозначений на материале якутского, алтайского и хакасского эпосов А. Е. Божедонова (Божедонова, 2020).

В настоящем исследовании проводится анализ лексического состава цветообозначений с целью установления на языковом уровне особенностей цветового мировосприятия разными этносами, определения функционирования колористической лексики, выявления универсальных и лингвокультурных коннотаций в фольклорных произведениях на материале бурятского, тувинского и якутского эпосов.

Цветообозначение «белый»

В тувинском языке цветообозначение «белый» обозначается лексемой *ак* и имеет значения: 1) *прям. и перен.* белый; 2) чистый, честный, роскошный, седой; 3) сивый (масть лошади). В качестве положительного по значению эпитет «белый» присутствует во всех сочетаниях. В тувинском эпосе наибольшее число употреблений *ак* зафиксировано в отношении жилища *ак өг* 'белая юрта' и объектов природы *ак туруг* 'белый утес', *ак хая/ чалым/даш* 'белая скала/ гора/ камень', *ак чаңнык* 'белая молния', *ак булут* 'белая туча/облако'.

В текстах эпоса в сочетаниях с предметным существительным (объектом) прилагательное *ак* придает положительную оценочность предмету, выделяя его из общего ряда таких же предметов, наделяя символическим смыслом, магической силой и ритуальной ролью: *ак өг* 'белая юрта', *ак ном* 'белая книга', *ак ирт* 'белая овца-вожак', *ак аржыыл/тон* 'белый платок, халат', *ак ок* 'белая стрела', *ак балды* 'белый топор'.

¹ Бурятский героический эпос / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1991. Далее цитируется в тексте с сокращением и указанием страниц, напр.: (БГС: 128–131).

² Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое предприятие РАН, 1997. Далее цитируется в тексте с сокращением и указанием страниц, напр.: (ТГС: 128–131).

³ Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1993. Далее цитируется в тексте с сокращением и указанием страниц, напр.: (ЯГС: 128–131).

⁴ Баинова О. А. Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: Лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2005.

⁵ Башарина А. К. Семантика цветообозначений в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000.

⁶ Хинзеева Д. П. Цветообозначения в бурятском языке: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011.

<p>Ак торгу кудуузунга ушта соп эккелгештин, Ак туругнуң кырынга, Алды каът кылдыр чада салып алгаштың, Иезиниң Алды ама Ак торгу аржыылын ушта соккаштың, Тейинниң кырынга, Алды каът кылдыр сый туткаштың, Ак номун номчуп, Ак шугумунга бижип-ле берге олуруп-тур эвеспе он (ТГС: 178).</p>	<p>Вынул драгоценность-подстилку из белого шелка, В шесть слоев ее сложил, На белый утес положил. Вынул материнский Шелковый платок В шесть раз длинней своей ширины, В шесть слоев его сложил, На макушку свою [положил], Стал белую книгу читать, Белыми чертами стал писать, оказывается (ТГС: 179)!</p>
---	--

Предметы, которым придавалось особое значение, помечаются как белые. Например, *ак кадак* ‘белая шелковая лента’, которую преподносили почетным гостям, *ак белек* ‘дар / подарок’. В этих примерах маркируется сема уважения и почтения.

Прилагательное *ак* используется в описании внешности человека со значением ‘седой’: *ак баштыг ашак* ‘седовласый старик’, *ак салдыг* ‘белая борода’, *аксагалдай* ‘белобородый’.

Переносные положительные значения присутствуют в сочетаниях *ак сагыштыг* ‘чистые мысли’ (1), *ак малдыг* ‘белый скот’ в значении имеющий ухоженный вид (2):

<p>(1)</p>	<p>Боктуг-Кириш ону дыңнааш, ашакты: «Аас-кежиктиг, ак сагыштыг кырган-дыр — дыр сен ...» (ТГС: 492).</p>	<p>Услышав это, Боктуг-Кириш сказал старику: «Ты, старик, с чистой душой: добрая [весь]» (ТГС: 493).</p>
<p>(2)</p>	<p>...Хүн-Хаанның, Ай-Хаанның, Дээр- Хаанның Үш даңгыналарын чалап эккээр болза, Дирлип-даа болур, Өглүг-баштыг, ак малдыг, Аал-чурттуг-даа болур чүве-дир ийин (ТГС: 326).</p>	<p>... Хюн-Хана, Ай-Хана, Дэр-Хана — Трех дангын, если доставить, привезти, Можно будет его оживить, Он сможет иметь семью, иметь белый скот, Иметь свой аал-становище (ТГС: 327).</p>

Лексемой *ак* отмечается светлая масть животных: *ак аът* ‘белый конь’, *ак чылгы* ‘табун белых лошадей’, *ак ховаган* ‘белая бабочка’, *ак кодан* ‘белый заяц’, *ак шары* ‘белый вол’. Всего зафиксировано 52 случая употребления цветоименования *ак*.

В целом необходимо отметить особое положение белого цвета как символа чистоты, благополучия, добра и почта в сознании носителей тувинского языка. Коннотативное значение в сочетаниях *ак сүт* ‘белое молоко’, *ак чем* ‘белая еда’, *ак хой* ‘белый скот’, *ак орук* ‘белая дорога’, *ак даш* ‘белый камень’ обусловлено традициями и верованиями.

Сакральность молока, являвшегося главнейшим элементом питания кочевых тувинцев, связана с белым цветом, поскольку он ассоциировался с понятиями о чистоте и благополучии (Донгак, Ондар, 2019: 234–235). Молоко как лучшая часть белой пищи (*ак чем*) является главным подношением в праздничных ритуалах и считается священным продуктом (1). Скот белой масти посвящали богествам Верхнего мира, такое животное после обряда посвящения считалось священным, его отпускали в стадо как символ охранителя (2). Обряд *ак орук* совершается для благословения счастливой дороги. С особым почитанием относились тувинцы к белому камню, кремню, который использовался для высекания огня и лечения больных.

(1)	Ак чемим дээжизин Аяк-таваам-биле авап көр.	Самое лучшее из белой пищи, Вместе с посудой принять извольте (Кыргыз, 2015: 88).
(2)	Аал-оран шыпшың турзун! Айыыл-ондак келбезин! Ак хунаның өдээ Байып турзун!	В стойбище покой пусть будет! Опасности пусть минуют! У белого козла загон пусть увеличивается! (там же: 69).

Белый цвет в якутском языке обозначается двумя лексемами *үрүн* и *манган / маҕан*, что объясняется происхождением прилагательных: *үрүн* восходит к древним тюркским языкам, *манган / маҕан* заимствован из монгольского. В связи с этим они различаются по сочетаемости с другими языковыми единицами и по семантическому объему. Э. К. Пекарский определяет *үрүн* как противоположный черному *хара* и образующий сочетания с существительными, обозначающими людей, животных, растений, минералов, местностей¹.

Прилагательное *үрүн* в тексте поэмы образует сочетания с различными категориями понятий: *үрүн дьиэ* ‘белый дом’, *үрүн түүлэх* ‘белая шерсть’, *үрүн былыт* ‘белое облако’, *үрүн сүүрүк* ‘белые бегунцы’. Сакральность белого цвета *үрүн* придается в сочетаниях *үрүн күн* ‘белое солнце’, символизирующее жизнь, и *үрүн илгэ* ‘белая влага’ как символ белой божественной жидкости². В словосочетаниях *үрүн тыын*, *үрүн харах* реализуются переносные значения ‘светлая, чистая душа’ (1, 2), ‘светлый, добрый глаз’ (2):

(1)	Үрүн тыынын өрүһүлтэтин өйдөө, Хара тыынын харыһылтатын санаа (ЯГС: 226).	О спасении светлой души своей вспомни, О сохранении черной души подумай! (ЯГС: 227).
(2)	<...> Кыыс Дэилийэ Бухатыыр, Үрүн тыыммын өрүһүйэн, Сүөн тыыммын толуйан баран, Арҕаа Сибииргэ Айыы аймаҕын адаҕыта, Алаһа дьиэ тэрийэ барбыттааҕа, Ол иэримэ дьиэтигэр (ЯГС: 270).	<...> Кыыс Дэбилийэ Бухатыыр, белую душу мою спасшая, толстую душу мою защитившая, на землю Западный Сибиир племя айыы поселить, уютное жилище создать отправилась (ЯГС: 271).
(3)	Үрүн харахтаах Өтүрэн көрбөт Үүт туманын түһэрэн <...> (ЯГС: 260).	<...> взорами светлых глаз непроницаемый бело-молочный туман напустили <...> (ЯГС: 261).

Прилагательное *манган* реализует признаки ‘белый, белесоватый, светлый’ в отношении лошади, неба, одежды, внешности³ и употребляется в прямом номинативном значении: *манган кухлэ* ‘белые сани’, *манган халлаан* ‘белое небо’. Однако сочетание *манган халлаан*, являющееся самым частотным эпитетом в описании неба и облаков, приобретает дополнительное значение в сложных словосочетаниях *күндүл манган халлаан / кыыда манган халлаан* ‘снежно-белое небо’. Слово *күндү* ‘дорогой, драгоценный, бриллиант’ придает сочетанию значение ‘сверкающее белизной небо’ за счет выдвигания семы ‘сверкающий’. *Кыыдам* ‘мелкая снежная пыль, пороша’ в составе сложного эпитета подчеркивает белизну снега. Сочетание *үүт манган халлаан* ‘молочно-белое небо’ придает

¹ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х тт. Якутск, 1959. Т. 3. Стб. 3178–3180.

² Там же. Стб. 2815.

³ Там же. Ст. 1523.

оттенок мягкого приглушенного белого. В сочетании *добун манган халлаан* ‘гладко-белое / чистое небо’ выдвигается семантика прилагательного *дбулуу* ‘совершенной гладкий’.

Переносное значение реализуется в сочетании *манган суол* дословно ‘белый путь’, что означает счастливый путь и везение в дороге (1), в сочетании *манган уустара* ‘белые мастера’ реализуется значение ‘искусные, лучшие’ (2):

(1)	Тоѳус тоѳойдоох Толомон манган суолун Ололмун туттарыахтын! (ЯГС: 240).	С девятью препонами большой белый путь твой пусть броды откроет! (ЯГС: 241).
(2)	Өр өтөр аҕай Күүтэллэрин кытты Үөһээ чэбдик халлаан Сэттэ дэҕил манган уустара <...> Тура түспүттэрэ баара да <...> Үс түүннээх күн устата Утуйар уу түбүн билбэккэ <...> (ЯГС: 260).	Долго, не долго ли ожидала, — Семеро искусных мастеров, на верхнем небе живущих <...> Только ногами ступили три и три ночи сладости сна не знали <...> (ЯГС: 261).

Общее число лексем со значением ‘белый’ в якутском олонхо составило 93.

В бурятском эпосе насчитывается самое большое число употреблений цветообозначения белый 124. Прилагательное *сагаан* ‘белый’ в качестве эпитета определяет положительные черты людей и предметов как в прямом номинативном значении *сагаан байхада* ‘белый снег’, *сагаан үүлэн* ‘белое облако’, так и в переносном. В представленных ниже сочетаниях, выделенных как частотные, прилагательное *сагаан* реализует различные коннотативные значения: *сагаан дайда* ‘белая земля’ в значении любимая и почитаемая (1), *сагаан байсонье* ‘белый дворец’ (2) в значении красивый, роскошный, *сагаан тараагта / харгы* ‘белая дорогая’, исходя из контекста, ‘счастливая’ (3) или особенная — ‘широкая, главная’ (4), *сагаан тэнгэри* ‘белое небо’ со значением чистое, светлое.

(1)	Гэшхэлдэши үгэй-лэ Гэгээн сагаан дайдайеым Гэшхэлдэжи, алхалдажи ерэхэн Хэнии хүбүүл?! (БГС: 120)	«Чей ты сын, Топтать посмевший Священную светлую землю мою, Которую топтать нельзя?!» (БГС: 121).
(2)	Үргэн сагаан байсандаа Үдэршье нуухадаа Уйдаха байналши, Охоршилхо байналши! (БГС: 106)	«Сидя изо дня в день В своем просторном белом дворце, Ты заскучаешь И затоскуешь в нем!» (БГС: 107).
(3)	<...> Аламжи Мэргэн хүбүүниин Ара гэрээн урайгшаа Үбэри сагаан харгүйяар Уруудажы талиибал (БГС: 206).	<...> «Аламжи Мэргэн, молодой» В сторону юга Южной светлой дорогой Помчался от дома [родного] И вдаль ускакал (БГС: 207).
(4)	Түүнэһээн сааша-ла Мүнхүн бээе бэелжи, Мүхүрөөн шарай шарайлжи Хаанай сагаан тараагтаар Ханхинаса хатарбал <...> (БГС: 184).	После этого, Прежний свой вид она обрела, Снова румяной стала, По широкой ханской дороге Звонкой рысью она поскакала <...> (БГС: 185).

Цветообозначение «белый» во всех трех языках маркирует положительные характеристики людей и предметов, передает эмоционально-положительную семантику и сакральное значение. Общим является цветообозначение белый для неба, что говорит о его восприятии в культуре этих народов как образа чистого и светлого пространства, как символа Верхнего мира, в котором существуют божественные силы. Сакральное свойство белого цвета связано с традициями и ритуалами, в которых используются предметы белого цвета. Переносные значения в сочетаниях с абстрактными существительными реализуют семы непорочности, чистоты, благородства.

Цветообозначение «черный»

Второй компонент в ахроматической паре белый /черный обозначается лексемами бурят. *хара*, тув. *кара*, якут. *хара* и имеет значение 1) черный, 2) темный. В противоположность положительной оценочности белого черный цвет представляет собой в большинстве случаев негативное определяющее и ассоциируется со злом, жестокостью, несчастьями и бедствиями. Наряду с белым является частотным в текстах эпоса, наблюдается его высокая сочетаемость с прямыми и переносными значениями. Несмотря на отрицательную коннотацию значения, в отдельных случаях имеет место выдвигание семы силы и усиления какого-либо качества предмета или явления.

В результате исследования цветообозначений в тюркских языках А. Н. Кононов выделил в качестве основных значений 'черный, темный, мрачный, суровый, печальный, несчастный', а также в качестве дополнительных значений 'большой, крупный, главный, великий, чистый' (Кононов, 1978: 161-169). Все эти значения характерны для тувинского и якутского языков.

В тувинских сказаниях эпитет *кара* 'черный' является самым частотным (образует 200 сочетаний) и ассоциируется, как правило, с негативными явлениями, чувствами и эмоциями. Наибольшим числом употребления отмечено сочетание *кара дажын / халзын / шокар* 'черный камень / гора / скала', которое несет эмоционально-негативную оценку. Однако в описании книги судеб *судур* сочетание *кара даш каптаазын* 'облаченная в черные каменные пластины' выдвигается положительная значимость черного камня, сакральность самой книги и ценность каменной защиты.

Уш кулаш Сарыг судурунун Өң каптаазынныг <i>кара дажын</i> Хакпаңайндыр ажыдып <...> (ТГС: 62).	Трехсаженную Желтую <i>судур</i> <...> Быстро раскрыл — Задрожал <i>каптаазын</i> из черного камня (ТГС: 63).
--	--

Черный цвет в качестве эпитета определяет одежду, реализуя прямое номинативное значение: *кара саар* 'черная юфта', *кара торгу тон* 'черный шелковый халат', *кара идиш-биле* 'черные идики'; описание внешности: *кара хавак* 'черные брови', *кара хыл* 'черный волос'; 'окрас зверей': *кара аът* 'черный конь', *кара кулун* 'черный жеребенок', *кара богба / кара чаваа* 'черный стригунок', *кара шишижек* 'черная пташка-чиж', *кара киш* 'черный соболь', *кара кымыскаяк* 'черные муравьи', *кара дас* 'черный гриф', *кара буура* 'темный верблюд', *кара кускун* 'черный ворон', *кара кужа* 'черный баран', *кара буга* 'черный бык'. Однако и прямое номинативное значение может придавать в контексте эмоционально-оценочное значение, усиливая ассоциирующееся с черным цветом чувство тревоги, беды. Например, эпитет *кара* в сочетаниях *кара чернин* 'черная земля', *кара хая* 'черная скала', *кара хөл* 'черное озеро', *кара далай* 'черное море', *кара хову* 'черная степь' выполняет усилительную функцию отрицательного качества. В примерах *кара саар* 'черная юфта', *кара торгу тон* 'черный шелковый халат', *кара идиш-биле* 'черные идики', напротив, выдвигается положительное значение 'богатая одежда'.

(1)	Оң, солагай холу-биле <i>Кара черни</i> сиртиледир каккылап <...> (ТГС: 312).	Лево́й и право́й нога́ми так бил, Что черная земля дрожала, оказывается <...> (ТГС: 313).
(2)	Эр киж <i>кара черниң</i> кырынга, <i>Кара хая</i> баарынга Өлүр-даа, төрүттүнер-даа Ужурлуг болгай <...> (ТГС: 136).	Мужчина на черной земле, Перед черной скалой Рождаться, умирать Должен ведь <...> (ТГС: 137).

Цветообозначение *кара* в различных сочетаниях функционирует как интенсификатор, усиливая какие-либо качества и выразительность (Аннай, 2016: 94). В таких словосочетаниях реализуются семы ‘грозный’, ‘большой’, ‘крепкий’, ‘богатый’:

(1)	Дөрбелчин <i>кара алдын ширээниң</i> кырындыва Каңгырт кылдыр Халып үне берген туруп-тур эвеспе аан (ТГС: 152).	На большой золотой квадратный <i>ширэ</i> Со стуком Его поставил, оказывается (ТГС: 153).
(2)	Үш түме <i>кара чааны</i> Үзе тиилээн мен, эжим. Тос шагда дооступ көрбээн, Тос түме <i>кара чааны</i> Доңгайты баскан мен, эжим (ТГС: 132).	Одолел, друг мой, В тридцати тысячах <i>грозных сражений</i> , Победил я, друг мой, В девяноста тысячах <i>грозных сражений</i> , Не прекращавшихся девять сроков (ТГС: 133)!
(3)	<i>Кара араганы</i> Ижиртип-даа кагган мен, эжим (ТГС: 134).	Я хана поил Крепкой арагой (ТГС: 135).
(4)	... Кажыр <i>кара дарганга</i> Каң-Мөгеден соктургаш (ТГС: 398).	Могучему-грозному кузнецу Кан-Могө выковать наказали (ТГС: 399).
(5)	Хаанның алдан кулаш Улуг <i>кара селемезин</i> Ап алгаштың, Кылаштап чоруй баргаш (ТГС: 88).	Взяв ханскую Большую крепкую саблю В шестьдесят сажень Шагом отправился (ТГС: 89).
(6)	<i>Кара баглаажынга</i> Катап кылаштап келгештиң (ТГС: 156).	К большой коновязи Вернулся (ТГС: 157).

Необходимо отметить и сочетания *караңгы кара дүн* ‘темная черная ночь / мгла’, *кара-кара булуттар* ‘черные-черные облака / тучи’ неоднократно употребляемые для интенсификации цвета и создания таким образом дополнительного эффекта тревожности.

Переносное значение ‘злой’ про душу человека отмечено в сочетании *кара малгааш* ‘черная грязь’:

« <i>Кара малгаштан</i> башка Мындыг-даа чүмеңер бар эвес» (ТГС: 162).	«Кроме черной грязи, Ничего другого в вас нет!» (ТГС: 163).
---	--

Неоднократно в тексте эпоса встречается сложный эпитет *кара-шокар даш бажы* ‘темно-пестрые вершины гор’. Прилагательное *шокар* ‘пестрый, рябой, пятнистый’ в этом сочетании придает не оттеночность, а вытупает в изобразительной роли. Таким образом передаются тени облаков на горных вершинах и лучи солнца, пробивающиеся сквозь облака, отчего горы кажутся пятнистыми.

Даң бажы шара-хере, Даш бажы <i>кара-шокар</i> апарганда <...> (ТГС: 92).	Когда же забрезжил рассвет И вершины гор темно-пестрыми стали <...> (ТГС: 93)
--	---

В якутском эпосе количество употреблений лексемы *хара* составило 70 слов. Частотность употребления и коннотативность семантики эпитета *хара* ‘черный’ в якутском олонхо подтверждает и Р. В. Корякина (Корякина, 2011: 179). Особенностью якутского олонхо явились антонимичные пары в параллельных строках, демонстрирующие противопоставление: *үрүң былыт* ‘белое облако’ / *хара былыт* ‘черное облако’, *үрүң тыын* ‘светлая душа’ / *хара тыын* ‘черная душа’, *үрүң түүлэх* ‘белая шерсть’ / *хара түүлэх* ‘черная шерсть’, *үрүң сүүрүк* ‘белые бегунцы’ / *хара сүүрүк* ‘черные бегунцы’ (поэтическое обозначение большого количества скота).

(1)	Дьэ, көвүрээбит үрүң сүүрүгүң Үс төгүл үллэн үөскээтин! Аҕыйаабыт хара сүүрүгүң Аҕыс тэгил аллан хангаатын! (ЯГС: 280).	Убавившиеся белые бегунцы твои пусть возродятся втрое! Уменьшившиеся черные бегунцы твои Пусть увеличатся восьмикратно! (ЯГС: 281).
(2)	Кыыс Дэбилийэ <...> Хара тыын харыһыгын санаарай, Үрүң тыын өрүһүлтэтин өйдөөрөй, Сырдык тыын сыанатын ырытаарай <...> (ЯГС: 168).	Кыыс Дэбилийэ <...> о защите черных душ наших вспомнит, о спасении белых душ наших подумает, о ценностях светлых душ наших помыслит (ЯГС: 169).
(3)	Үрүң-хара түүлэҕи Өлөрөн-өһөрөн барбыттара Үрдүк айыыларбыт Үтүө дьүүлэрэ Үһүөрүйэр күннээх буоллаҕына <...> (ЯГС: 152).	[Хотя] белошерстным и черношерстным нашим урон нанесли — высоких божест-айыы справедливая благосклонность милостиво снизойдет <...> (ЯГС: 153).

Несмотря на то, что прилагательное *хара* используется в прямом номинативном значении, в контексте может проявляться его эмоционально-оценочное коннотативное значение: *хара тыа* ‘темный лес / дерево’, *хара быар* ‘черная печень’, *хара былыт* ‘черная туча’, *хара хаан* ‘черная кровь’, *хара дьиэ* ‘черный дом’, *хара халҕан* ‘черная дверь’, *хара тии* ‘черные зубы’, *хара харах* ‘черный глаз’, *хара куй* ‘темная пещера’.

(1)	<...> Хара тыа буллун Хамыйа тартылар <...> (ЯГС: 98).	<...> зверей из темных лесов таскать начали <...> (ЯГС: 99).
(2)	Ити кэнниттэн Итир былыттар дьиэгэнистилэр, Хара былыттар ханыыластылар <...> (ЯГС: 250).	После этого перистые облака появились, черные тучи сгустились <...> (ЯГС: 251).
(3)	<...> Хара хаана тохтубут, Иэдьэгэй этэ сэймэктэммит <...> (ЯГС: 142).	<...> Черная кровь его истекает, Нежное тело его искромсано <...> (ЯГС: 143).
(4)	<...> Хара быардара Халтан ойоҕосторунан быгылаабыт <...> (ЯГС: 132).	<...> черные печени их меж оголенными ребрами обнажились <...> (ЯГС: 133).

Эпитет *хара* к существительному *тыа* является одним из частотных и реализует значение непроходимого, необъятного леса как части огромного пространства, в котором обитают эпические герои.

Переносные значения наблюдаются в отношении абстрактных сущностей: *хара тыын* ‘черная душа’, о жестоком, злом, подлом человеке (1), *хара дьай* ‘черная беда, нечисть’ (2); в предметных существительных: *хара тангас* ‘черная одежда’ в значении простой повседневной (3), *хара чалахайа* ‘черная слизь, способная причинить зло’(4):

(1)	<...> Үрүң тыыны өллөйдөһөн, Хара тыыны харыһыйсан көрүөх этим (ЯГС: 198).	<...> белую душу его спасти, черную душу его защитить могли бы» (ЯГС: 199).
-----	--	--

(2)	<...> Хаан аймагым ааттааға Хара дьайбын Халбарытыһаарай диэммин <...> (ЯГС: 182).	<...> кровная родственница черную беду мою изгнать поможет <...> (ЯГС: 183)
(3)	<...>Хаан чаҕаан сэбэрэлэнэн баран, Халтан ойоҕоспутун халхалыыр Хара танас диэни Харахтыы иликпит <...> (ЯГС: 104).	<...> голые бока свои одеждой не прикрыли еще: то, что черной одеждой зовется, никогда не напяливали <...> (ЯГС: 105).
(4)	<...> Хара чалахайа саккыраабыт, Харыалаах таныыта тартаннаабыт Хара балахай муруннаах эбит <...> (ЯГС: 134).	<...> черной слизью капающий, грязный черный нос черные ноздри свои раздувает <...> (ЯГС: 135).

В словарной статье бурятско-русского словаря *хара* делается пометка относительно значения этого слова: «Черный цвет символизирует несчастье, горе гибель всего, что движется и дышит; чернота связывается с ночью, а ночь со злом...» (БГС: 398). Таким образом, фиксируется отрицательная эмоционально-оценочная характеристика этого цветообозначения, что подтверждается примерами. Всего прилагательное *хара* ‘черный, темный’ в качестве эпитета наблюдается 101 раз. Самым частотным является сочетание *хара далай* ‘черное море’, в котором эпитет *хара* в значении ‘темный’ придает таинственность и неизвестность этому природному объекту (1). Черным цветом обозначены каменные ворота *хара шулуун хаалга*, символизирующие неприступность (2), и дворец чудовища *хара байсан*, ассоциирующийся со злом (3):

(1)	Хара ехэ далая Үрмөтөсөөн зугаалба (БГС: 266).	[так долго беседовали], что пенкой покрылось Большое черное море (БГС: 267).
(2)	Гурбан зуугаад алаабхя Үүдээрэни гэшхэлбэ, Хара шулуун хаагалдаа Хаха мүргүн тулаба (БГС: 92).	Он проскакал Мимо трехсот лавок, Уперся в ворота Из черного камня (БГС: 93).
(3)	Мангад Ехэ Гахаяя Модон хара байсандан Ерэлдэжи байбал-даа (БГС: 142).	Он подъехал К черному деревянному дворцу Могучего мангадхя (БГС: 143).

М. И. Тулохонов отмечает функциональное своеобразие эпитета *хара* в эпическом контексте, который передает значения ‘крепкий, сильный, чистый, дремучий’ (БГС: 35). Такое же явление было описано нами относительно цветообозначения *кара* в тувинском эпосе.

(1)	Модон хара эмэлээ Тохолдожи орхёбо (БГС: 74).	Его оседлал Седлом из крепкого дерева (БГС: 75).
(2)	Нариихан Шарга мориниин Дүрбэн хара турууяа Тулалдажи шагналайл (БГС: 148).	Стройный соловый конь, Четырьмя крепкими копытами упершись, Стоял и прислушивался (БГС: 149).
(3)	Мойһон хара нюдүнһөө Мондогой хара нёлмоһуй Мухарюулажи уярлайл (БГС: 206).	Из его темных, Как черемуха, глаз Крупные чистые слезы катились (БГС: 207).

(4)	Найгама <i>хара шибэрын</i> Отоложи байбал-даа, Гараа угэй байбал-даа! (БГС: 180).	Как ни прорубался топор, Через ту дремучую чашу – Пробиться так и не смог! (БГС: 181).
(5)	Шара наран болходо Малгай <i>хара нарһанда</i> Хүрхү бартай ошобол (БГС: 148).	Солнце уже закатилось, К сосне с густой кроной Он приблизился, К ней подъехал (БГС: 149).

Переносное значение *хара* ‘злой’ реализуется в сочетаниях *хара һанаһан* ‘черные мысли’ (1), *хара зүрхэн* ‘черное сердце / душа’ (2), переносное значение ‘простой’ отмечено в словосочетании *унаган хара албата* ‘подданные’, люди, имеющие простое происхождение, буквально ‘черный люд’ (3):

(1)	Хара ехэй <i>һанаһан</i> <...> (БГС: 268).	Коварство большое замыслил <...> (БГС: 269).
(2)	<i>Хара ехэ үһеэ</i> <i>Хара зүрхээр</i> отолоогүйб, Хартанай ёродо отолооб! (БГС: 164).	Кос своих черных, длинных Не по своей воле лишаясь – Из-за черной злобы людской! (БГС: 165).
(3)	Унаган <i>хара албатуйн</i> Хааниин болжи зонхилбол (БГС: 68).	Ханом он сделался Миролюбивых подданных (БГС: 69).

Как и в тувинском эпосе эпитет *хара* используется для маркирования в черный цвет предметов одежды (*хара сэнмэ* ‘черное сукно’, *хара сабахяа* ‘черные сапоги’), животных (*хара хирээ* ‘черный ворон’, *хара булган* ‘черный соболь’, *хара морин* ‘вороной конь’), внешности (*хара үһэйе* ‘черные волосы’, *хара нюдүнһээ* ‘черные глаза’). Частотное употребление наблюдается в описании моря *хара далайяа* и гор *хара шулуун*.

Цветовое обозначение черный в тувинском языке обладает более широкой сочетаемостью с существительными, функционирование в роли интенсификатора с выдвиганием контекстуальной семы отмечается во всех анализируемых языках, переносные значения с отрицательной оценочностью немногочисленны, но фиксируются в эпосах, также отмечены положительные коннотации в переносных значениях в тувинском языке.

Оппозиция черный / белый как смысловое противопоставление отмечено в тексте тувинского эпоса в эпизоде поединка, когда проявляются переносные значения *белый* ‘добрый’, *черный* ‘злой’. Перекидывая черный и белый камни в руке перед поединком, богатыри Демир-Моге и Хунан-Кара рассуждают, кому какой исход битвы предначертан. Поединок заканчивается победой Хунан-Кара, который, схватив Демир-Моге, кружит его между белым и черным облаками, решая, в какой мир его отправить в черный или белый, Нижний или Верхний. И наконец сбрасывает его на черную землю.

(1)	Ак-кара дашты-даа Оң, солагай чарыккы холдарында Олуй-солуй кажыктап, тевектеп <...> (ТГС: 214).	Белый и черный камни Из руки в руку Крест-накрест перекидывая <...> (ТГС: 215).
(2)	<...> Ак-кара булуттуң аразы-биле-даа Тырыкылай соп эккелгештиң-даа <...> (ТГС: 226).	Между белой и черной тучами Его закружил <...> (ТГС: 227).

Заключение

Цветообозначения как языковое выражение мировосприятия, с одной стороны, демонстрируют черты универсального восприятия окружающего мира, с другой стороны — отражают в атрибутивах к объектам уникальные этнокультурные особенности. В фольклорных текстах, к которым относятся тексты рассмотренных эпических произведений, лексемы цветоименований подтверждают диффузность семантики, другими словами, способность актуализировать контекстуальные смыслы, обусловленные этнокультурными традициями и менталитетом. Такое свойство фольклорного слова насыщает смысловой объем произведения и его экспрессивно-оценочный потенциал.

Наибольшей частотностью обладают ахроматические цветообозначения, являющиеся базовыми в цветовом спектре. Хроматические цветообозначения представлены в текстах сказаний неравномерно, выделяются приоритетные и периферийные позиции цветов, что свидетельствует об этнокультурных особенностях восприятия.

Цветообозначения в эпических текстах функционируют как изобразительные прилагательные в прямом номинативном значении, как оценочные эпитеты положительного и отрицательного характера. Отмечена особая функция усиления качества, свойств и признаков предмета или объекта в сочетаниях прилагательного цвета и определенного существительного. Такое функционирование характерно в той или иной степени для всех рассматриваемых языков в зависимости от цветообозначения и атрибутируемого объекта.

При реализации переносного значения выдвигается нецветовое значение, связанное с символикой цвета и ритуальным статусом предмета.

Кроме универсального восприятия цвета выявлены этнокультурные расхождения, связанные с окружающей средой и традиционными смыслами.

В соответствии с ранжированием цветового спектра ахроматические цвета как основные в тексте эпических произведений занимают главенствующее положение. Универсальность значения белого как положительного знака подтверждено примерами из всех трех исследуемых эпических сказаний. В сознании народов белый цвет отождествляется с чистым, светлым, благородным и противопоставляется черному. Наблюдается совпадение в употреблении цветообозначения «белый» в переносном значении, имеющем исключительно положительную коннотацию. Выявлено сходство сакрального значения цветообозначения «белый» в культуре трех народов, что объясняется архетипичностью ритуалов и традиций, свойственных данным этносам. В восприятии бурят, тувинцев и якутов белый цвет символизирует чистоту и благородство помыслов, олицетворяет благополучие и счастье, имеет ритуальное значение.

Черный цвет не имеет однозначно негативной семантики, несмотря на общие для этносов ассоциации со злом и несчастьем. Прямое номинативное значение не всегда несет отрицательный смысл, отражая реальные явления. В тувинском эпосе черный цвет может выступать как символ богатства и могущества. Во всех анализируемых языках наблюдается такая особенность, как роль интенсификатора качества или признака в сочетании с существительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аннай, Э. К. (2016) Лексемы *кара* 'черный', *көк* 'синий', *кызыл* 'красный' как экспрессивные средства в тувинском языке // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 15. № 9. Филология. С. 93–111.

Бакеева, Д. А. (2012) Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 6 (20). С. 30–33.

Баранникова, Е. В. (1979) Бурятские волшебные-фантастические сказки. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 254 с.

Бождонова, А. Е. (2020) Семантика ахроматических цветообозначений в эпических текстах (сопоставительный анализ на материале текстов якутского, алтайского, хакасского эпосов) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Сер. Эпосоведение. № 3 (19). С. 107–117.

Болдырев, Б. В. (2007) Морфология эвенкийского языка. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 932 с.

Бочина, Т. Г. (2023) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Габышева, Л. Л. (1994) Пространственно-временная лексика и цветовая метафора в текстах олонхо // Язык — миф — культура народов Сибири / редкол.: Л. Л. Габышева (науч. ред.) и др. Якутск : ЯГУ. 168 с. С. 3–23.

Дамбуев, И. А. (2020) Цветообозначение *сагаан* 'белый' в бурятской топонимике // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Вып. 2 (28). С. 106–117. DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-2-106-117>

Донгак, С. Ч. (2004) Цвет и его символика в тувинской кочевой культуре // Ученые записки ТИГИ / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл : Типография Госкомитета РТ по печати и информацииназвание издательства. Вып. 20. 418 с. С. 213–227.

Донгак, С. Ч., Ондар, А. У. (2019) Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочесников // Культура и цивилизация. Т. 9. № 2А. С. 233–239.

Дырхева, Г. А., Цыбенкова, Ч. С. (2022) Белый цвет в традиционном мировоззрении тувинцев и бурят: семантика и ассоциативный тезаурус // Монголоведение. Т. 14. № 3. С. 634–648. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2022-3-634-648>

Кононов, А. Н. (1978) Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука, ГРВЛ. 283 с. С. 159–179.

Корякина, Р. В. (2011) Эпитет «хара» (черный) как ключевое слово в якутском олонхо // Якутский героический эпос олонхо: состояние и перспективы изучения : Материалы респуб. науч. конф. 27 мая 2011 г. / отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск : Издательский дом СВФУ. 305 с. С. 179–187.

Кыргыз, З. К. (2015) Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Новосибирск : Сибирская горница. 432 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Оссовецкий, И. А. (1982) Лексика современных русских народных говоров. М. : Наука. 198 с.

Рассадин, В. И., Трофимова, С. М., Болд, Л. (2018) Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 222–231.

Сердюк, М. А. (2009) Слово в фольклорном тексте: семантическая структура субстанциональные свойства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. 96. С. 184–191.

Сыдыков, А. Н. (2011) Этнолингвистика: опыт ретроспективы. Бишкек : БГУ. 236 с.

Хроленко, А. Т. (1984) Коннотативный аспект фольклорного слова // Вопросы семантики: межвуз. сб. / отв. ред. А. Н. Дубяго. Калининград : КГУ. 217 с. С. 89–95.

Червинский, П. П. (1989) Семантический язык фольклорной традиции. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета. 222 с.

Щербак, А. М. (1966) О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. № 3. С. 21–35.

Berlin, V., Kay, P. (1969) Basic Colour Terms: their Universality and Evolution. Berkeley : University of California Press. 370 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of God and faith in uzbek and tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Дата поступления: 20.02.2024 г.

Дата принятия: 09.03.2024 г.

REFERENCES

Annai, E. K. (2016) The lexemes *kara* 'black', *kok* 'blue', *kyzyl* 'red' as expressive means in the Tuvan language. *Vestnik NGU. Issue "Istoriia, filologiiia"*, vol. 15, no. 9, pp. 93–111. (In Russ.).

Bakeeva, D. A. (2012) The symbolism of color in various cultures of the world: a mythological stage. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6 (20), pp. 30–33. (In Russ.).

Barannikova, E. V. (1979) *Buryat magical and fantastic fairy tales*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 254 p. (In Russ.).

Bozhedonova, A. E. (2020) Semantics of achromatic color meanings in epic texts (comparative analysis based on the texts of the Yakut, Altai, Khakass epics). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Issue "Eposovedenie"*, no. 3 (19), pp. 107–117. (In Russ.).

Boldyrev, B. V. (2007) *Morphology of the Evenk language*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 932 p. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2023) Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Gabysheva, L. L. (1994) Spatial-temporal vocabulary and color metaphor in olonkho texts. In: *Language – myth – culture of the peoples of Siberia* / Ed. by L. L. Gabysheva et al. Yakutsk, YaGU. 168 p. Pp. 3–23. (In Russ.).

Dambuev, I. A. (2020) Colour designation караан 'white' in the Buryat toponymy. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, issue 2 (28), pp. 106–117. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-2-106-117>

Dongak, S. Ch. (2004) Color and its symbolism in Tuvan nomadic culture. *Scientific notes of TIGI* / ed. by V. D. Mart-ool. Kyzyl, Tipografiia Goskomiteta RT po pechatu i informatsiinazvanie izdatel'stva. Issue 20. 418 p. Pp. 213–227. (In Russ.).

Dongak, S. Ch. and Ondar, A. U. (2019) Sacred aspects of "white food" among Tuvan nomads. *Kul'tura i tsivilizatsiia*, vol. 9, no. 2A, pp. 233–239. (In Russ.).

Dyrkheva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2022) White Color in Traditional Worldviews of Tuvans and Buryats: Semantics and Associative Thesaurus Approached. *Mongolian Studies*, vol. 14, no. 3, pp. 634–648. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2022-3-634-648>

Kononov, A. N. (1978) Semantics of color meanings in Turkic languages. In: *The Turkological collection 1975* / ed. by A. N. Kononov. Moscow, Nauka, GRVL. 283 p. Pp. 159–179. (In Russ.).

Koriakina, R. V. (2011) The epithet "hara" (black) as a keyword in Yakut olonkho. In: *Yakut heroic epic of olonkho: composition and prospects of presentation: Materials of the Scientific Conference on May 27, 2011* / ed. by V. N. Ivanov. Yakutsk, Izdatel'skii dom SVFU. 305 p. Pp. 179–187. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (2015) *Tuvan folk songs and ritual poetry*. Novosibirsk, Sibirskaiia gornitsa. 432 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Ossovetskii, I. A. (1982) *Vocabulary of modern Russian vernacular*. Moscow, Nauka. 198 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I., Trofimova, S. M. and Bold, L. (2018) Turkic-Mongolian parallels among the terms of spiritual culture in the Mongolian languages. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 222–231. (In Russ.).

Serdiuk, M. A. (2009) A word in a folklore text: semantic structure and substantial properties. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, issue 96, pp. 184–191. (In Russ.).

Sydykov, A. N. (2011) *Ethnolinguistics: a retrospective experience*. Bishkek, BGU. 236 s. (In Russ.).

Khrolenko, A. T. (1984) The connotative aspect of the folklore word. In: *Questions of semantics* / ed. by A. N. Dubiago. Kaliningrad, KGU. 217 p. Pp. 89–95. (In Russ.).

Chervinskii, P. P. (1989) *The semantic language of the folklore tradition*. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostovskogo universiteta. 222 p. (In Russ.).

Shcherbak, A. M. (1966) On the nature of the lexical relationships of the Turkic, Mongolian and Tungusic-Manchu languages. *Voprosy iazykoznaniiia*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.).

Berlin, B. and Kay, P. (1969) *Basic Colour Terms: their Universality and Evolution*. Berkeley, University of California Press. 370 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of God and faith in uzbek and tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Submission date: 20.02.2024.

Acceptance date: 09.03.2024.